11 класс

I. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (проза или поэзия – по выбору)

Проза: Выполните целостный анализ рассказа Инны Гофф «Неподходящий мальчик». Вы можете опираться на данные после него вопросы, а может выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Инна Гофф.
Неподходящий мальчик

Название станции было веселое, похожее на название крупы. Москвичи так и называли ее – не Перловская, а Перловка. Здесь, в дачном Подмосковье, жила моя подруга. Мы познакомились в эвакуации, и там Аня часто рассказывала, какая у них прекрасная дача. Она закатывала глаза и мечтательно вздыхала, как бы кого-то изображая. И приглашала меня на дачу. Когда-нибудь! Когда закончится война. Когда я приеду в Москву. Когда будет лето. Когда… Все это было так нереально в сорок втором и вдруг сбылось так скоро, спустя всего два года. Вот только война еще шла. Но исход ее уже был предрешен.

Мой отец получил назначение под Москву. И летним днем я спрыгнула с электрички на дощатую платформу Перловки. Ночью прошел дождь, и теперь все благоухало, пели птицы. Они пели так, как поют только после дождя. Густая трава в пятнах солнечного света, запах сосны и шелест берез – все было празднично и непривычно для меня, как и самое слово «дача». Собственной дачи у нас никогда не было, и теперь в свои шестнадцать лет я впервые видела настоящий дачный поселок. Я приехала сюрпризом. У меня был адрес и план, как пройти от станции. И я вышагивала вдоль длинных деревянных заборов, выкрашенных в зеленый или голубоватый цвет. «У нас прекрасный участок», – говорила Аня. Так я узнала, как называется это пространство – часть леса или луга, огороженная забором и принадлежащая одному владельцу. Там, где забор был пониже, виднелись дом или крыша дома, веранда с цветными стеклышками, бочка с водой под водостоком. Иногда собачья будка, иногда качели. Но опять все скрывал бесконечный скучный забор, над которым шелестели чужие деревья.

Вот наконец и улица, указанная в плане. И нужный мне номер над калиткой. И, конечно, забор. Зеленый, длинный, из досок, плотно пригнанных одна к другой. Я заметила возле калитки звонок и нажала кнопку. Нажала еще раз. Никто не отозвался. Тогда, толкнув калитку, я вошла. И пошла по дорожке, мощенной черепицей, к большому, безлюдному на вид дому. Я была разочарована. Неужели зря тащилась сюда? Мы не виделись два года! И я уже так представляла себе ее восторг при моем появлении, ее пискливый голос, сияние голубых близоруких глаз, пулеметную частоту речи!..

Дом был высокий, немного запущенный, со стеклянными верандами наверху и в первом этаже. На входной двери тоже был звонок. Я позвонила. Постучала. Негромко. Потом сильней. На мой стук вышла женщина. Худощавая, в очках.

– Нет, я не родственница, – сказала она низким прокуренным голосом. – Я снимаю у них комнату, заодно караулю дачу… Они приезжают на выходной, а так всю неделю я одна. Как говорится, сама себе хозяйка. Анечка? Она ваша подруга? Вот оно что… Нет, Анечка приезжает редко. Она терпеть не может дачу… Может быть, вы зайдете?

Мне не хотелось в дом. Я присела на край крылечка. Эта часть его была под навесом и осталась после дождя сухой. Шелестели верхушки берез, поскрипывала старая, похожая на лиру сосна с раздвоенным стволом. К березам был привязан гамак. На круглой клумбе, заросшей травой, желтели одуванчики.

– Вам, как ее подруге, я могу сказать… У нее появился мальчик. – Женщина затянулась папиросой, закашлялась. – Родители просто в отчаянии. Совсем неподходящий мальчик…

– Почему неподходящий? – спросила я. – В каком смысле?

– Во всех смыслах, моя дорогая, – сказала она, держа папиросу в желтых от никотина пальцах. – Во всех смыслах!..

И вот я опять иду вдоль бесконечных заборов. На этот раз к станции. Чужие березы и сосны шумят на чужих участках. Слышны детские голоса. Я иду и завидую Ане. Конечно, не ее даче. Тут я ее вполне понимаю. Наверное, в детстве ей нравилось это отгороженное от мира пространство, где ей разрешалось гулять одной и делать все, что она хочет: качаться в гамаке, искать под березами грибы и рвать весной фиалки в сырости позади дома. В детстве это создавало ощущение свободы. Да еще после городской квартиры и школы, куда до пятого класса ее водила за руку домработница (надо было переходить трамвайную линию)…

Я завидую Ане, у которой «появился мальчик». И не просто мальчик, а *неподходящий*. Именно это определение почему-то больше всего убеждает меня в том, что Анька по-настоящему влюбилась. Путь от

дачи показался мне коротким, потому что я всю дорогу думала об этом. Я даже удивилась, увидев впереди платформу и название станции, обращенное ко мне изнанкой. Электричка только что ушла.

И вдруг я почувствовала острый голод. Не потому ли, что запахло супом? Да, здесь, под соснами и березами, возле дачной платформы, самым сильным запахом был этот – пахло вермишелевым супом, и я не могла ошибиться: запах шел оттуда, от каменного здания с одинаковыми широкими окнами. Его окружал редкий штакетничек, в котором, как в старой расческе, кое-где недоставало зубцов. Во дворе, за домом, сушились простыни. Из окон второго этажа неслись нестройное детское пение и звуки рояля. Я догадалась, что здесь, в школьном здании, поселился на лето детский сад. Вермишелевым супом пахло из пристройки.

– Вы по объявлению? – спросила женщина в белом халате, с усиками на смуглом лице. – Хотите устроиться к нам ночной няней?

– Да, – сказала я. Мне очень хотелось супа. Так я стала ночной няней в детском саду на станции Перловка. Это было последнее лето войны и мое последнее школьное лето. Женщина с усиками – ее звали Нина Павловна – объяснила мне мои обязанности. Все складывалось самым лучшим образом. Ночью я буду дежурить, охраняя сон двух спальных палат средней группы – в каждой по тридцать кроватей. Зато день весь целиком принадлежит мне – гуляй и веселись. Мы обе как-то забыли о том, что людям положено еще и спать… Кроме того, мне полагались зарплата и питание. На последнее обстоятельство Нина Павловна особенно нажимала. Многие в это голодное время были озабочены тем, чтобы поесть досыта.

Это был детский сад шелкоткацкой фабрики «Красная Роза». Я думала, что речь идет о цветке, но потом моя новая подруга Вика объяснила мне, что фабрика названа так в честь Розы Люксембург. Фабричные говорили нежно: «У нас на „Розочке“…» Новая подруга Вика работала воспитательницей. Она была старше меня на три года, училась на вечернем факультете пединститута. Высокая, нескладная, с маленькими прыщиками на лбу. Дети Вику любили и считали очень красивой. Может быть, потому, что она была доброй. Их укладывали рано. И они долго прыгали в своих кроватях, шалили. В каждой группе были свои зачинщики, озорники. Утихомирив одних, я шла в другую палату. Но стоило мне выйти за дверь, как шум возобновлялся. И тогда я придумала. Я стала рассказывать им сказку. Сообщив одной группе, что в некотором царстве жил-был царь и была у него красавица дочка, я обещала, что расскажу продолжение, если они будут лежать тихо-тихо. И они терпеливо лежали в своих кроватях с веревочными сетками, похожими на гамак в саду у Ани, а я шла в соседнюю группу. И рассказывала им то же самое, обещая продолжение. Так я и ходила от одних к другим, пока наконец они не засыпали. Впрочем, засыпали они довольно скоро. Утомительный долгий день, полный неожиданных и новых впечатлений, как любой день в детстве, склеивал ресницы, и они засыпали, не дождавшись окончания сказки. Не помню, удалось ли мне хоть раз досказать ее до конца. Они засыпали, и палата встречала меня тишиной. Так тихо спят только дети. Я ходила между кроватей с гамачными сетками, поправляла подушки, проверяла, хорошо ли укрыты. Опытные няни советовали: «Буди их в двенадцать ночи и в четыре утра, а то простынь не настираешься!» Но я их жалела и не будила в двенадцать – они так крепко спали. В голые, незашторенные квадраты школьных окон светила луна, трубили поздние электрички, тяжело грохотали товарные составы. Они проходили так близко, что земля сотрясалась и пол подрагивал. Но дети не просыпались. Я будила их в четвертом часу, по одному. Они были теплые, сонные и не очень понимали, чего я от них хочу. Иной начинал капризничать и звать маму. Иного приходилось вытаскивать из кровати и нести на руках. Некоторые засыпали, сидя на горшке. Это занятие называлось «высаживание», и длилось оно около часа. Ведь их было шестьдесят!..

И опять наступала тишина. Я не любила эти глухие ночи в молчаливом и от этого как будто пустом здании. Затемнения еще не сняли, и никакого света, кроме лунного, нам не полагалось. Мои палаты помещались на первом этаже, и входная дверь почему-то не запиралась. Однажды ночью в темный коридор вбежала с улицы большая собака, похожая на волка… Мне самой было только шестнадцать, я боялась темноты и собак и очень хотела спать. Чтобы не заснуть, я вспоминала, фантазировала. Думала об Ане.

Однажды в свободный вечер мы с Викой подошли к ее даче. На этот раз мне никто не открыл, и не у кого было спросить, как поживает Аня и ее *неподходящий* мальчик. Почему-то он не выходил у меня из головы. Я сочинила целую историю. Как они познакомились в электричке и полюбили друг друга с первого взгляда. И как они встречаются тайком от родителей. Как знать, может быть, на этой заброшенной даче…

Дети просыпались рано, словно птицы. Румяные, лукавые мордочки. Ясные, готовые к новым впечатлениям глаза. Долгий день в детстве, как путешествие. Начинался он с шалости.– Подъем! – говорила я бодро, входя в палату, где все уже поднялись.– Кто мокрый? Подымите руку!.. И сразу поднималось несколько рук. Это для того, чтобы потом, прыгая на сеточном матраце, радостно хохотать – ведь простыня сухая!.. К общему восторгу, я делала вид, что верю. В этом и заключалась игра. Тот, кто был мокрым на самом деле, руки не поднимал – лежал неестественно тихо, прижав руками одеяло, и, только когда я подходила к нему, шептал трагически: «Я мокрый…» Таких я не выдавала. Незаметно собирала мокрые простыни – на две палаты было штук пять-шесть – и уносила. Стирать их входило в мои обязанности. Я стирала простыни в цинковом корыте на заднем дворе и распевала песню из своего детства «Как у Саши на постели груши-яблоки поспели». Так мы дразнили мальчика Сашу, когда его мама для просушки вывешивала на перилах балкона его матрац. Я развешивала простыни и валилась на свою койку, чтобы

заснуть. И тут кто-нибудь из дневных нянь говорил: «Подежурь за меня, мне надо съездить в Москву. Брат из госпиталя приехал…» (Или «Друг на фронт уезжает», или «Мать заболела, а дети одни!..») И тогда я дежурила за дневных. Мыла окна, приносила из кухни обед – ведра с вермишелевым супом и сырники с шоколадной подливкой. Кормили по группам, и моя средняя группа, завидев меня, отказывалась есть: требовала сказку…

Как-то после такого двойного дежурства я решила съездить к своим. Они жили в Загорске, по той же Северной дороге, что и Перловка. То ли электрички ходили реже, то ли время было такое – война! – но вагоны были набиты битком, несмотря на позднее утро. Я вошла в вагон и сразу заснула стоя. Не знаю, сколько я проспала, должно быть, станции три. Проснувшись – пожалуй, тут больше подходит слово «очнувшись», потому что мой сон был внезапным и глубоким, как обморок, – я увидела его. Он стоял рядом – мой *неподходящий* мальчик – и смотрел на меня. Он был точно такой, каким я его придумала: повыше меня, ворот защитной рубашки распахнут, и видна смуглая шея и острые ключицы. Зеленые глаза смотрели на меня внимательно, чуть насмешливо.

– Проснулась? – спросил он. – Небось, гуляла всю ночь?..

– Я не гуляла. У меня работа такая.

– Интересно, что за работа, – сказал он. – Если не секрет…

– Я ночная няня, – ответила я. Это его рассмешило.

– «Няня», – повторил он со вкусом. – К тебе это не подходит… Слово какое-то старушечье!.. Он смотрел на меня все так же внимательно и насмешливо. Я знала, что я ему нравлюсь. И он мне нравился тоже. Вагон качнуло, и он придержал меня за локоть. Он стоял так близко от меня, что я чувствовала его дыхание на своем лице. От него пахло табаком, как и полагалось *неподходящему* мальчику. На вид ему было лет семнадцать.

– И кого же ты нянчишь? – спросил он.

– Своих детей.

– И много их у тебя? «Детей»?

– Шестьдесят.

– Жми до сотни, – сказал он. И помолчав, спросил:

– А меня понянчить не хочешь?

Я не ответила. Я знала, что мы сейчас расстанемся и больше не встретимся никогда.

– Между прочим, я тоже с ночной, – сказал он. – В военкомат вызывали – осенью должны взять…

К нашему разговору прислушивались те, кто стояли вокруг. Им было интересно.

– Сойдем? – предложил он вдруг. Электричка приближалась к станции. Это была платформа Хотьково.

– Сойдем, – сказала я. Мы протиснулись на площадку, и он спрыгнул еще на ходу.

– Ну, ты что? – сказал он. Я покачала головой. Меня оттеснили в сторону.

Вернувшись в Перловку, я все рассказала Вике. И еще много раз я рассказывала об этом разным людям, в разные годы. О своем *неподходящем* мальчике и о том, как я не решилась спрыгнуть за ним на платформу. Рассказала и Ане. Мы с ней увиделись, когда ей было уже за тридцать. И у нее был вполне подходящий муж.

Опорные вопросы:

- В чем смысл названия рассказа?
- Как создается образ исторического времени в рассказе?
- Какими приемами пользуется автор в обрисовке главных и эпизодических героев? Охарактеризуйте главную героиню.
- Как вы понимаете финал рассказа?
- Охарактеризуйте основные способы выражения авторской позиции в рассказе.

Поэзия: Выполните целостный анализ стихотворения Ю. Левитанского « Я полагаю, Пушкин, говоря…» Вы можете опираться на данные после него вопросы, а может выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Ю. Левитанский
Лета к суровой прозе клонят...

Я полагаю, Пушкин, говоря
о том, что, мол, года к суровой прозе,

не так-то прост и в этом был вопросе
и не одно лишь то имел в виду,
что перейти готов к иному жанру,
то бишь забыв о рифме, о размере,
скорей засесть за повесть, за роман –
нет, думал он, поэзия – обман,
пленительный, а все ж в какой-то мере
обман, да-да, пленительный обман,
как облачко, как утренний туман,
клубящийся над грешною землею,
возвышенно витающий над ней,
а проза, она все-таки земней,
и будь хоть соловей там или роза,
питает их, поди, все та же проза,
и червячок не вреден соловью,
равно как розе – горсточка навоза
(была бы лишь умеренною доза!) –
так что ж нам прозу не пустить в стихи,
житейской не чураясь чепухи,
не устрашась Гоморры и Содома...
И я сегодня прозе говорю –
входи в мои стихи и будь как дома!
Тебе навстречу двери я открыл
и окна отворил тебе навстречу.
И если скажут мне – твой стих бескрыл,
ты крыл его лишил! – что я отвечу,
что критикам моим скажу тогда?
А ничего.
– Года, – скажу, – года!
1967

Опорные вопросы

- Что послужило поводом для поэтических размышлений автора?
- Какие пушкинские аллюзии встречаются в произведении, для чего к ним обращается поэт?
- Каков лирический герой этого стихотворения?
- Охарактеризуйте своеобразие стиховой организации произведения.
- Как связаны содержание и форма этого стихотворения?
- В чем смысл этого стихотворения?

II. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте, что вы являетесь художником-иллюстратором романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Подробно опишите три любые иллюстрации, которые вы могли бы создать, сделайте к ним подписи.